

Г Е Р О И К А РЕВОЛЮЦИИ

К роману-фильму Вс. Вишневского «Мы, русский народ» обратился Центральный академический театр Советской Армии — его поставил Р. Горяев, поставил впервые на сцене, и уже этот смелый шаг заслуживает внимания.

Трудно назвать другого драматурга, который бы с такой страстью и последовательностью, как Вс. Вишневский, писал о революции, о героическом подвиге советского воина и на пладдарме этой «темы» решал важнейшие социальные, нравственные, общечеловеческие проблемы. Что касается масштабности содержания и формы фильма-романа, то он под стать именно Центральному театру Советской Армии с его огромной сценой. На этот раз сцена художественно освоена, и пространственное решение спектакля активно помогает выражению его по сути и мысли (художник П. Белов).

«Мы, русский народ» — произведение очень трудное. Сам автор говорил: «Я знаю, что ставлю высокие требования... Ну, а кому нужны невысокие?». Надо признать и то, что роман-фильм внутренне противоречив и неровен, что рядом со страницами, где правда жизни органично выступает в форме революционного эпоса, есть слабые главы, эпизоды, где поэтическая героика приходит в противоречие с бытовыми картинками.

В программе сказано, что театр предлагает зрителям собственную редакцию произведения Вишневского. Конечно, в этой редакции ощутимы некоторые потери по сравнению с оригиналом, разумеется, многие чисто кинематографические образы трудно воплотить на сцене. Тем не менее, на наш взгляд, коллектив подошел к инсценировке тактично, вдумчиво и сумел построить цельную театральную пьесу, полностью сохранив выразительное, крепкое, терпкое слово писателя.

Героическая стихия, победа революции, сложность, неоднородность народной массы в критический момент истории; жестокое, но обреченное сопротивление старого мира — вот что больше всего волновало

Т Е А Т Р

режиссера. И многого он достиг — прежде всего в построении массовых сцен, в пластическом и музыкальном решении спектакля (композитор Г. Фрид), в его динамической выразительности.

Вместе с тем, думается, Р. Горяев вступает порой в неоправданный спор с автором — прежде всего в истолковании и характеристике главных героев, тех, кого С. Эйзенштейн, высоко оценивший это произведение при его появлении, называл героями «первого ряда», — Орла, Боера, Ермолая. Вероятно, здесь сказались скудность текста и изъятие из пьесы некоторых эпизодов (например, побег из застенка, титанический бой Боера), но дело, думается, не только в этом. Демонстративная обобщенность, некоторая «незаметность» в массе такого героя, как Орел, в исполнении А. Васильева противоречат образу, созданному Вишневским и заключающему в себе широчайшее обобщение. Драматургу он виделся символом богатейшей мощи революции, героем античного масштаба. Недаром, работая над романом-фильмом, писатель, по его признанию, обращался к русскому богатырскому эпосу, «перечитывал греческие мифы: о Геракле, Тезее и пр.». Речь идет не только о чуждой авторскому стилю характеристике Орла, но и о том, что некоторые его поступки — в частности возрождение из мертвых в финальной сцене — выглядят неоправданно, искусственно. Вообще финал явно не удался в пьесе и в спектакле: символическое бессмертие Орла, за которым «тяжелым шагом своим... шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу и не отрекаясь от нее ни на плахе, ни на костре», обернулось счастливым избавлением от неминуемой гибели и Медведева, и Ермолая, и Боера, и Чертомлыка. Романтический образ превратился в наглядную иллюстрацию...

Конечно, в пьесе, где действует множество персонажей

и у каждого из них так немного слов, трудно ждать от актеров законченных характеров, однако точные штрихи, мгновенные зарисовки в многоликой массе зрители, несомненно, заметили и запомнили. Назову А. Крыченкова в роли Медведева, Н. Сазонову в крохотном эпизоде, Г. Юшко (Вятский), Б. Ситко (Варварин). И в романе, и в пьесе достаточно полно раскрыт характер полковника Бутурлина. А. Кутепов сумел вывить сложную фигуру этого «отца-командира», оказавшегося изощренным предателем. Приходится сожалеть, что в спектакле попросту пропал яркий образ Боера, но винить в этом бесспорно одаренного актера А. Михайлушкина трудно.

Заслуживают всемерной поддержки творческая смелость и активность театра, ставящего перед собой труднейшие художественные задачи. Но вместе с тем этот спектакль выдвигает ряд важных общих проблем. Широки пределы творческой активности режиссера, время, несомненно, вносит свои коррективы в эстетику театра. Однако, мне кажется, Р. Горяев, стремясь к новому сценическому прочтению романа-фильма, до конца не почувствовал природу драматического произведения, авторский стиль. Хорошо, что в спектакле «Мы, русский народ» есть живые лица, но, думается, и массовые сцены могут быть человечески более разнообразны: малые роли, несомненно, выигрывают, когда они отмечены резко индивидуальными чертами. По-видимому, мы вправе ожидать от Центрального театра Советской Армии усиления заботы о повышении актерской культуры, об открытии и формировании новых талантов.

У театра богатые художественные традиции, способный творческий руководитель, две сцены — Большая и Малая. У него есть все возможности ставить разные по темам, по жанрам пьесы, и хочется думать, что обращение к Всволоду Вишневскому станет верным шагом на пути освоения масштабной драматургии героического звучания.

А. АНАСТАСЬЕВ.

"Starobee" 1976, "Voprosy"
1/95